

УДК 81'27:7.017.4:(811.134.2+811.161.2)

Оруджева С. Э.

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ИСПАНЦЕВ И УКРАИНЦЕВ

Статья посвящена изучению теоретических основ исследования цветообозначений как элемента концептуальной картины мира испанцев и украинцев, а также анализу сходств и различий цветообозначений в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, понятие, концептосфера, цветообозначение, лингвокультура.

Оруджева С. Э. Теоретичні основи дослідження позначень кольору як елементу концептуальної картини світу іспанців та українців. – Стаття.

Статтю присвячено вивченню теоретичних основ дослідження позначень кольору як елементу концептуальної картини світу іспанців та українців, а також аналізу подібностей та відмінностей позначень кольору у двох лингвокультурах.

Ключові слова: концепт, поняття, концептосфера, позначення кольору, лингвокультура.

Orudzheva S. E. Theoretical basis of research of colour designations as a part of the conceptual worldview of the Spaniards and the Ukrainians. – Article.

The article is dedicated to the study of the theoretical foundations of research of colour designations as a part of the conceptual picture of the world of the Spaniards and the Ukrainians and to analysis of similarities and differences of colour designations in two linguistic cultures.

Key words: concept, notion, sphere of concepts, colour designation, linguistic culture.

Целью статьи является изучение теоретических основ исследования цветообозначений как элемента концептуальной картины мира испанцев и украинцев. В статье решаются такие задачи: 1) рассматривается концептосфера цвета как объект лингвистического исследования; 2) изучается содержание концепта ЦВЕТ в концептуальной картине мира испанцев и украинцев; 3) анализируются языковые репрезентации цветообозначений в испанском и украинском языках. Материалом исследования является *Diccionario ideológico de la lengua española*, *Diccionario etimológico de español*, Энциклопедия знаков и символов, Великий тлумачний словник сучасної української мови, а также художественные произведения Габриеля Гарсиа Маркеса, Мигеля де Унамуно, Михаила Коцюбинского, Ивана Франко, Панаса Мирного, Юрия Андруховича и Тараса Шевченко.

Роль концептосферы в когнитивной картине мира трудно переоценить. Говоря о концепте, мы не можем отделить его от всей концептосферы, так как все мысли человека взаимосвязаны и, вербализуя один концепт, за ним тянется цепочка других.

Концепты занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой. Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, логиков и психологов, она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Основополагающий вклад в изучение концептов внесли Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин. Концепты составляют информационную основу картины мира, играя первостепенную роль в формировании фонда знаний индивида и передаче информации. Именно через концепты осуществляется мыслительная деятельность. Тер-

мин «концепт» для современной лингвистики является относительно новым. Еще в 1974 г. он воспринимался как сугубо инородный и требующий углубленных комментариев. Полноправное использование термина «концепт» начинается в 80-х гг. с переводов англоязычных авторов. Интересы фокусируются на изучении концепта как ментальной сущности.

Первый современный автор, реализовавший на обширном материале идеи В. Гумбольдта и Э. Бенвениста, – это А. Вежбицкая. Она дает такую экспликацию концепта: это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [3, 3].

А. Вежбицкая также выделяет термины «концепт-минимум» и «концепт-максимум». Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка, для которого соответствующая реальность известна, но является как бы периферийной для жизненной практики. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. За пределами концепта-максимума лежит энциклопедическая «добавка» [3, 33].

Краткий словарь когнитивных терминов под редакцией Е. Кубряковой говорит, что «концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; содержательная оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, 37].

А.П. Бабушкин, в свою очередь, определяет концепт как ментальную репрезентацию, которая определяет, как вещи связаны между собой и

как они категорируются. Он говорит об образной составляющей концепта и о том, что она связана со способом познания действительности. Автор включает в образную составляющую все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, которые служат выражению концепта, а также «устойчивые картинки». Он определяет концепт как: 1) концепт – это ментальная репрезентация, определяющая взаимосвязь вещей между собой; 2) концепты – это идеальные образы; 3) концепт обязательно обозначается словом [2, 9–10]. Н.Ф. Алефиренко также говорит о том, что, вербализуя концепт, слово фиксирует выделяемые в концептуализованном предмете действительности свойства и признаки, выражает его связи и отношения с другими объектами концептосферы, относит его к той или иной категории [1, 33].

В свою очередь, Ю.С. Степанов подходит к анализу концепта как культурологического феномена и подчеркивает, что концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [11, 40]. Ю.С. Слышкин также полагает, что концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминирован культурой и опредмечивается в языке. Автор пишет о том, что концепты существуют и в индивидуальном сознании языковой личности, и в коллективном сознании языковой группы, они являются единицами сознания и информационной структуры, которая отражает человеческий опыт. Сознание и опыт, по мнению автора, могут быть как коллективными, так и индивидуальными. Следовательно, автор предлагает говорить о существовании индивидуальных и коллективных концептов, а коллективные концепты, в свою очередь, делить на микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие. Он также полагает, что обе группы концептов представляют определенный интерес для исследователей, отмечает, что индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [10, 16].

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что концепт есть мыслительная комплексная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои [9, 37]. В.Н. Телия, в свою очередь, пишет о том, что термин «концепт» включает в себя объемное, многоуровневое содержание, которое «передает знания об обозначаемом во всех его связях и отношениях». Концепту онтологически предшествует категоризация, которая

создает типовой образ и формирует «прототип» [12, 98]. Осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта, называют концептуализацией. Е.С. Кубрякова отмечает, что «концептуальная систематизация или структура – это совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [5, 91–92].

В нашем исследовании мы рассматриваем содержание концепта ЦВЕТ как составную часть концептосферы цвета в испанской и украинской лингвокультурах. В когнитивной лингвистике категория концептосферы человека представляет собой область знаний, мыслительную сферу, составленную из концептов как ее единиц и обобщающую разнообразные признаки внешнего мира. Совокупность концептов, образующих концептосферу, является целостным и структурированным пространством, или концептуальной системой. Фактически, это система мнений и знаний человека о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом уровнях. То есть концептосфера чаще всего выступает как упорядоченная совокупность концептов определенного народа. Также существуют разнообразные групповые концептосферы: профессиональная, возрастная, гендерная, индивидуальная и т.д.

В концептосфере отдельного народа концепт может отсутствовать. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (*яп.* саби), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *приватность, политическая корректность, качество жизни, сохранить лицо собеседника*, только начинает на базе заимствованного слова формироваться концепт *толерантность*. Чисто русские концепты – *духовность, интеллигенция, непотворение, разговор по душам, авось* – их нет в концептосферах других народов [9, 6].

Термин «*концептосфера*» был введен академиком Д.С. Лихачевым. Концептосфера, по определению Д.С. Лихачева, это совокупность нации. Она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Автор подчеркивает, что чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа, а чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса. «Имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности» [6, 5].

Д.С. Лихачев подчеркивает, что особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям, носителям фольклора, отдельным про-

фессиям и сословиям, т.к. «не все люди в равной мере обладают способностью обогащать «концептосферу» национального языка». Принимая за основу вышесказанное, можно сделать вывод о том, что и концептосфера языка тем богаче, чем богаче культура нации, ее литература, фольклор, наука, религия.

З.Д. Попова и И.А. Стернин также определяют концептосферу как сферу знаний народа, которая определяет менталитет народа, и говорят о том, что, с другой стороны, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов, имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов. «Концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления, чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира». Авторы пишут о том, что менталитет народа проявляется, прежде всего, в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами и т.д. [9, 2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концептосфера знаний народа в определенной степени определяет менталитет народа, образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов, суждений о действительности. Таким образом, каждый отдельный концепт в силу своей многозначности и зависимости от субъективного опыта личности, которая использует его, имеет свою концептосферу. Но в то же время концептосферу имеет и отдельная культура. В таком случае концептосфера представлена совокупностью концептов, порождающих смыслы.

Важную роль для исследования цветообозначений как элемента концептуальной картины мира разных народов имеет символическая функция цветообозначений и их правильное распознавание носителями этих лингвокультур, в нашем случае – испанцев и украинцев. Познание цвета – это осознание образов, канонизированных мировой культурой. Системы цветообозначений и цветовых символов в различных языках и культурах доказывают влияние родного языка на характер классификации цветообозначений. Анализ цветообозначений является необходимым для выявления роли цвета в построении визуального пространства человека и обусловленности функционирования в языке, принимая во внимание

культурно-исторические традиции разных менталитетов

Культурные и исторические традиции испанского и украинского народов сложно назвать схожими. Специфическими чертами представителей романской культуры, в нашем случае испанцев, является их психоэмоциональная экспрессивность и спонтанность в проявлении душевного настроения. Представители же славянской культуры, к которой принадлежат украинцы, славятся своим миролюбием, несклонностью к агрессии и насилию. Для них характерна такая черта, как индивидуализм. Они, в основном, интроверты, наивысшую ценность для которых представляют собственный дом и семья. Все эти качества наблюдаются в понимании символики цвета этими народами [13, 172].

Эстетика цвета произрастает из тонкого восприятия испанцами и украинцами окружающей действительности. Передача информации с помощью цвета основана на возникающих ассоциациях, состоящих из нескольких слоев: общие природные, более поздние слои – влияние культурных традиций народа, к которому принадлежит человек, а уже потом цветовые ассоциации личных переживаний и впечатлений. Цветообозначения в испанском и украинском языках соотносятся с семиотической, ценностной и философско-мировоззренческой картиной мира. Рассматривая символику цвета в испанской лингвокультуре, мы выявляем не только феномен цвета как своеобразный концепт мировосприятия, отличный от украинского, но и систему символики цвета как встроенную в лексическую базу древнюю мифологическую систему.

Так, в испанской лингвокультуре ядро концептосферы цвета представлено лексемой *rojo*, которая имеет значение *червоний*. Синонимичным вариантом лексемы *rojo* является цветообозначение *colorado*, которое означает *червоний* и/или его оттенок *червонуватий*. Именно красную (*muleta roja*) использует тореадор во время корриды (*rojo* как символ крови). *Червоний* используется также в одежде и деталях (*falda roja*, *flor roja en el pelo*), наряда танцовщиц (*bata de cola roja*) (*rojo* как символ страсти, любви, темперамента). Цветообозначение *colorado* довольно часто встречается в романе Габриеля Гарсиа Маркеса «Осень патриарха», особенно для описания красных шапочек, которые правитель обязывал носить всех, кто прислуживал в президентском доме для обозначения их невысокого статуса: «*todo el mundo en la casa presidencial tenía puesto un bonete colorado (червону шапочку)*» [5, 55]; «*los paralíticos en las escaleras y los leprosos en los Rosales se paseaban con bonetes colorados (у червоних шапочках) de domingo de Carnaval*» [там же]; «*y nos cambiaban todo lo que teníamos por estos bonetes colorados (у*

червоні шапочки)» [5, 56]. В произведениях как испанских, так и украинских авторов цвет *червоний/rojo* используется для обозначения волнительного ожидания: «У пані Наталі виступили на лицах *червоні плями* [2] «У Augusto se decía: «¿Podré resistirlo?, ¿no me pondré *rojo* como una *amarola* o *blanco* cual un lirio cuando sus ojos llenen el hueco de esa puerta?, ¿no estallará mi corazón?» [7, 21].

Также символичным для испанской лингвокультуры является *amarillo/жовтий* цвет, который является символом солнца, тепла, весны и цветов (*genista hispanica amarilla*). Этот цвет вместе с цветом *червоний/rojo* является цветом испанского флага, символическое значение цветов которого уходит корнями в такую легенду: один из королей Арагона, пожелав иметь собственный флаг, остановился на флаге с гладким золотым полем (*amarillo* – золото), по которому он провел два пальца, опустив их в кубок со свежей кровью животных (*rojo* як символ крові) [18, 172]. Очень красноречиво представлен цвет *amarillo* в произведениях Габриеля Гарсиа Маркеса как символ упадка (*decaimiento*), старости (*vejez*), болезни (*enfermedad*): «*me pareció cansado y solo, con la piel amarillenta (жовтянична шкіра) del hígado malo*» [5, 73]; а также как символ заката жизни: «*se durmió en el acto, más solo que nunca, arrullado por el rumor del reguero de hojas amarillas de su otoño (жовте листя його осені)*» [5, 47].

В свою очередь в украинской языковой картине мира основными являются цветообозначения *жовтий* и *блакитний*, которые представляют собой цвета украинского флага, а также являются символами пшеницы и неба над головой [4]. В то же время в художественной литературе украинских авторов *жовтий* является символом злости и ненависти: «*Жовте лице батькове, його гіркий погляд... стояли перед його очима*» [3, 270]. В украинском языке для обозначения *напряжения* и *злости* используется также *синий* цвет: «*Бурунда, німий, синій з натуги і злості, зирнув довкола по долині* [3, 132]. В то же время в испанском языке *azul/синий* используется как символ смерти: «*Y luego se figuraba que a aquella pobre hospiciana, cuyo sentido de vida no comprendía, le quitó Dios la vida de un beso posando sus infinitos labios invisibles, los que se cierran formando el cielo azul, sobre los labios, azulados por la muerte, de la pobre muchacha, y sorbiéndole el aliento así*» [6].

Также в художественных произведениях украинских авторов часто встречается *зеленый* цвет как символ весны. Например: «*Отак от вони цілу зиму просодомили та прогоморили, а навесні дивимося: наше поле не зеленіє, - ні трава, ні жито, ні пшениця не зеленіють. Минули й Зелені Свята, а поле чорне, наче на ньому нічого й не сіяно*» [4, 3]; «*Добре, що можна так лежати у цій зеленій весняній воді*» [1, 3]. Также украинские авторы используют

зеленый цвет как символ молодости, например: «*Ще мій сміх молодий і душа ще зелена*» [1, 16]; «*Отже, підлітки відстають і лишаються на своїй зеленій заплавній смузі. Їм не можна на той бік Річки, але й до лісу їм теж не можна. І так вони тут існують, поміж двома забороненими теренами, на вузесенькій ділянці між страхом учорашнього і страхом прийдешиного*» [1, 9].

Невозможно оставить без внимания также цветообозначение *negro/чорний*, которое является самым распространенным как в произведениях испанских и украинских авторов, так и в народном творчестве, и обладает большим разнообразием значений. Так, в испанском языке цвет *negro* употребляется для обозначения «конца, окончания, завершения, финала» (*el final*), «тени» (*la sombra*), «темноты» (*la oscuridad*), «ночи» (*la noche*), «страха» (*el horror*), «преступления» (*el crimen*), «смерти» (*la muerte*). В ходе нашего исследования нам встретились такие испанские словосочетания с цветообозначением *negro/чорний*: «*corazón negro*» (*черное сердце* как символ плохого, злого человека), «*oveja negra*» (*черная овца* – символ человека, отличающегося от остальных своими негативными качествами), «*ver todo negro*» (*видеть все черным* как символ пессимизма). В художественных произведениях испанской литературы цвет *negro/чорний* встречается довольно часто и несет негативный оттенок. Например, героиня романа «Осень Патриарха» Габриеля Гарсиа Маркеса рассказывает о черной субботе, когда ее силой заставили стать королевой умирающей от проказы страны; в рассказе цветообозначение *negro/чорний* имеет оттенок трагичности: «*no quería saber nada de la vida desde el sábado negro (чорна субота) en que me sucedió la desgracia de ser reina*» [5, 91]; также рассказывает о личных качествах своего правителя и считает, что от его вранья и трусости его обручальное кольцо почернело: «*la mala virtud de sus manos... había renegrido (зробила чорною) el oro de su anillo matrimonial*» [5, 192].

В индивидуально-авторских картинах мира украинских писателей цветообозначение *negro/чорний* символизирует смерть, ночь, горе, похороны. Цветообозначение *чорний* мы нашли в произведении Тараса Шевченко «Княгиня»: «*Зостався тільки сад, зчорнілий од диму; стоїть собі осторонь і такий чорний та страшний, що я й дивитись на нього боялась*» [4]. Также цветообозначение *чорний* с негативным оттенком мы нашли в тексте произведения Юрия Андруховича «Двадцать обручів»: «*Під кінець дев'яностих Україна потрапила відразу до кількох чорних списків, проваджених надміру безсторонніми спостерігачами з усіляких міжнародних структур*» [1, 6].

В ходе нашего исследования делаем вывод о том, что в испанском языке существуют фразеологизмы, где ядром сравнения выступают названия

насекомых: *más negro que una hormiga* (чорніше за мурашу) [7, 323]. В українській літературі ми також знайшли схожий фразеологізм: *чорний як жук* [7, 323]. Також нами було відмічено, що сходинка в українській і іспанській літературах відзначається в цветообозначенні *amarillo/жовтий* для характеристики таких понять, як *солнце, тепло*, а також в цветообозначенні *negro/чорний* для характеристики таких понять, як *ночь, смерть*, в той час як символика цветообозначення *azul/синій* являється різною в досліджуваних лінгвокультурах. В іспанській лінгвокультурі цветообозначення *azul/синій* використовується як символ *смерти*, а в українській – як символ *злості* і *напруження*. Послідовність мовних репрезентацій символів кольору в іспанській і українській лінгвокультурах заключається не тільки в домінуванні цветообозначення *rojo/червоний*,

negro/чорний, *amarillo/жовтий* і *azul/синій* в іспанській і українській лінгвокультурах. Реалізація символіки кольору здійснюється з опорою на національне лінгвокультурне свідомість і тісно пов'язана з національними і сучасними колективними кольоровими домінуваннями (*rojo/червоний*, *negro/чорний*, *amarillo/жовтий*, *azul/синій*, *verde/зелений*) в мовному свідомості іспанської і української лінгвокультур.

Перспективою дослідження являється контрастивне вивчення цветообозначення як елемента концептуальної картини світу іспанців і українців на матеріалі творів сучасних іспанських (Мігель де Унамун), латиноамериканських (Габріель Гарсія Маркес, Хорхе Луїс Борхес) і українських (Тарас Прохасько, Юрій Андрухович, Марія Ряполова, Даря Корній, Марина Соколян, Андрій Дмитрук) авторів.

Література

1. Алефіренко Н.Ф. Фразеологічне значення і концепт / Н.Ф. Алефіренко // Когнітивна семантика : мат-ли ІІ міжд. школи-семинара по когнітивній лінгвістиці, 11–14 вересня 2000 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев : в 2-х ч. – Ч. 2. – Тамбов : Вид-во Тамбовського ун-та, 2000. – С. 33–36.
2. Бабушкін А.П. «Возможні світи» в семантичному просторі мови : [монографія] / А.П. Бабушкін. – Воронеж : Воронежський гос. ун-т, 2001. – 86 с.
3. Вежіцка А. Язык. Культура. Розуміння / А. Вежіцка. – М. : Російські словари, 1996. – 416 с.
4. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В.В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
5. Кубрякова Е.С. Проблеми представлення знань в сучасній науці і роль лінгвістики в розв'язанні цих проблем / Е.С. Кубрякова // Язык і структури представлення знань. – М., 1992. – С. 4–38.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера російської мови / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Серія літератури і мови. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
7. Півторак Л. Колоратив чорний у фразеології як вираження лінгвоментальності (на матеріалі іспанської, англійської, української та російської мов) / Л. Півторак // Культура народів Причорномор'я. – 2004. – № 54. – С. 322–325 [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/35737>.
8. Плотникова С.Н. Языковой знак и концепт / С.Н. Плотникова // Мат-ли ІV регіон. науч. сем. по проблемам систематики мови і мовної діяльності. – Иркутск : ІГЛУ, 2001. – 173 с.
9. Попова З.Д., Стернін І.А. Семантико-когнітивний аналіз мови. / З.Д. Попова, І.А. Стернін. – Воронеж, 2006. – 226 с.
10. Слышкин Г.Г. От текста к символу : лінгвокультурні концепти прецедентних текстів в свідомості і дискурсі : [монографія] / Г.Г. Слышкин. – М. : Академія, 2000. – 128 с.
11. Степанов Ю.С. Константи : Словарь російської культури. Опыт дослідження : [монографія] / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Язика російської культури», 1997. – С. 40–76.
12. Телия В.Н. Русская фразеологія : Семантичний, прагматичний, культурологічний аспекти / В.Н. Телия. – М., 1996. – 284 с.
13. Якімова С.Э. Підходи до вивчення концептосфери «колір» в контрастивній лінгвістиці / С.Э. Якімова // Мова. Культура. Комунікація : Образ майбутнього у картинах світу та знакових системах. – Чернівці, 2013. – С. 170–172.
14. Словник синонімів української мови онлайн [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ycilka.net/slovyk_syn.php.
15. Трессидер Д. Словарь символів / Д. Трессидер [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/.
16. Энциклопедия знаків і символів [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.znaki.chebnet.com/s10.php?id=342>.
17. Casares J. Diconario ideológico de la lengua española. – Barcelona, 1994. – 887 p.
18. Diccionario etimológico de español [Electronic resource]. – Mode of access : <http://etimologias.dechile.net/?color>.

Істочники ілюстративного матеріалу

19. Андрухович Ю. Дванадцять обручів / Ю. Андрухович. – К. : Критика, 2004. – 40 с.
20. Коцюбинський М.М. Сміх / М.М. Коцюбинський [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://fanread.ru/book/6828443/?page=1>.
21. Мирний П. Лихі люди / П. Мирний [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrlit.vn.ua/lib/mirny/mk8g1.html>.
22. Франко І.Я. Захар Беркут / І.Я. Франко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ukrbooks.com/ua/zahar_berkut/.
23. Шевченко Т.Г. Княгиня / Т.Г. Шевченко [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://taras.co.ua/knyaginya/>.
24. Gabriel G.M. El otoño del patriarca / G.M. Gabriel [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.instituto127.com.ar/Bibliodigital/GarciaMarquez-lotoniodelpatriarca.pdf>.
25. De Unamuno M. La tía Tula / M. de Unamuno [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.vicentellop.com/TEXTOS/unamuno/tiatula.pdf>.
26. De Unamuno M. Niebla / M. de Unamuno [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.vicentellop.com/TEXTOS/unamuno/niebla.pdf>.